

Как и следовало ожидать, Мэн Сусу пользовалась всё большим расположением князя Чэн и его наследника. Особенно выигрышно она смотрелась на фоне поблёкшего Чжао Ханя. Старый князь по достоинству оценил её талант приумножать богатство, а редкие снадобья — многолетние женьшень и линчжи, что преподносила ему девушка, — действительно возвращали ему бодрость духа и телесную крепость.

Для того чтобы возвести сына на престол, одних связей было мало — требовались огромные деньги. Скучных запасов княжеской казны едва ли хватило бы на серьёзную борьбу, и здесь деловая хватка Мэн Сусу оказалась как нельзя кстати.

Сам Сяо Минжуй в ходе общения с избранницей тоже всё чаще ловил себя на мысли, что она прочно заняла место в его сердце. Обещания, когда-то данные Чжао Ханю, окончательно стёрлись из памяти. Девушка была не только проницательна и нежна, но и обладала той ослепительной красотой, перед которой наследник, будучи натурой увлекающейся и падкой на внешность, не мог устоять. Ему не терпелось поскорее сделать эту красавицу своей.

После первых минут близости он окончательно лишился рассудка, очарованный её кожей — нежной, точно лепесток лотоса, — и загорелся желанием как можно быстрее ввести её в свой дом.

Теперь он в полной мере осознал слова отца: стоит ему взойти на престол, и любая красавица мира будет принадлежать ему. Конечно, Чжао Хань был его первой привязанностью, и в глубине души для него всё ещё оставался уголок, но по сравнению с новой фавориткой его значимость неуклонно стремилась к нулю.

Спустя несколько месяцев в поместье князя Чэн наконец отпраздновали свадьбу. Веселье с музыкой и песнями гремело на всю столицу. Особое внимание привлекло приданое, которое невеста собрала сама: завидев его, многие столичные дамы позеленели от зависти. Хотя Мэн Сусу входила в дом лишь на правах наложницы-консорта, пышность торжества затмила даже былую свадьбу законной супруги наследника.

Кто-то злословил и завидовал, но иные рассуждали здраво: любой был бы рад с таким почётом принять женщину, сумевшую за столь короткий срок заработать двести-триста тысяч лянов серебра.

Сяо Миньюй тоже присутствовал на пиршестве. Несмотря на юный возраст, он уже мастерски умел скрывать свои чувства. Глядя на сияющего кузена, он не ощущал ни капли зависти. К тому же, следуя совету Юаньцзина, он уже успел подослать к Мэн Сусу своих людей. Даже ему эта женщина казалась какой-то пугающе странной.

Юноша пришёл к подобным выводам после тщательного анализа её пилюль для белизны кожи и стройности. Способ их изготовления явно опирался на высокие принципы, однако мастерство самого создателя было весьма посредственным. Юаньцзин был уверен: попади эта технология

в руки истинного мастера, эффективность снадобий возросла бы многократно.

Ему было немного жаль упускать такие знания, но, в отличие от Тао Юйчжу в её прошлой жизни, он не помышлял о том, чтобы силой отобрать у обладательницы её «золотой палец». Он лишь хотел разузнать методы приготовления лекарств. Его собственное искусство фармацевтики достигло барьера, и преодолеть его было непросто. Появление этих пилюль подарило ему надежду на прорыв.

Если лекарь умел сохранять спокойствие, то Чжао Хань окончательно потерял самообладание. Слухи о триумфе соперницы один за другим проникали в задние покои, и каждое новое известие отзывалось острой болью в его сердце.

В ослеплении своей обидой он забыл спросить себя: а была ли между его целями и стремлениями новой наложницы хоть какая-то разница? Разве он сам искренне любил Сяо Минжуня? Если бы тот не был будущим императором, стал бы он тратить столько сил, чтобы пробраться в его постель?

Сейчас он думал лишь о том, что покровитель раз за разом нарушал свои клятвы. Рассказы о том, как наследник ценит Мэн Сусу, настолько поглотили его, что он даже не придавал значения имени владельца лечебницы, когда впервые его услышал. О связи хозяина медицинского павильона «Юаньши» с госпожой Фань в столице стоило лишь немного поспрашивать, чтобы узнать всё необходимое. А ведь этого человека зовут Юаньцин, и если бы Чжао Хань обратил на это внимание, то непременно заметил бы след, ведущий к Ло Юаньцину.

Но всё его внимание было приковано к сопернице и к тому, как вернуть расположение князя. Ему нужно было как можно скорее зачать дитя. На правах простого наложника он не мог покидать стен поместья, и небо над его головой ограничивалось лишь крохотным лоскутком между крышами. Мир снаружи стремительно менялся, но для него он казался далёким и чужим.

Шум праздника, доносившийся с парадной части дома, заставлял лицо Чжао Ханя темнеть от гнева. Он крепко сжал пальцы на своём животе и произнёс:

— Завтра вели слугам из резиденции хоу прислать лекаря. Пусть проверит, не...

Слуга сразу понял, о чём речь, и приободрился. Если хозяин и впрямь понесёт, наследник будет счастлив. Ребёнок станет надёжной опорой и поможет укрепить его положение в доме.

— Слушаюсь, господин. Я отправлюсь завтра же на рассвете.

Слуга втайне подумал, что лекарства из медицинского павильона «Юаньши» и впрямь творят чудеса: после курса лечения господин вполне мог зачать.

Миньюй, пробыв на свадьбе лишь положенное время, поспешил уйти. Отношения с Сяо Минжужем никогда не были тёплыми, а задерживать его никто не осмелился — все знали, что этот «волк» в порыве гнева избил любимого внука великой принцессы так, что родная мать не узнала. Кто захочет навлекать на себя такие неприятности?

Покинув поместье князя Чэн, юноша не поехал к себе, а отправился напрямиком к Юаньцзину.

Увидев друга, Миньюй не удержался от едкого замечания:

— Эта женщина ведёт себя слишком вызывающе. Вот увидишь, завтра, когда они отправятся в императорский дворец выразить благодарность, Гуйфэй непременно её задержит.

Юаньцзин не удивился — у него и раньше было такое предчувствие. Драгоценная наложница удерживала сердце императора не только хитростью, но и красотой. Однако годы брали своё, и как бы она ни старалась, ей было трудно соперничать с юными прелестницами.

Хотя император обожал Гуйфэй и во всём её слушал, это не мешало ему привечать в своих покоях молодых красавиц. В гареме она была далеко не единственной женщиной.

Поначалу, когда слава о товарах «Мэй И» только начала греметь, Драгоценная наложница выжидала. Она терпела полгода, наблюдая и оценивая. Теперь же, когда эффект от пилюль Мэн Сусу стал очевиден всей знати, она решила действовать.

— Кстати, пришли новости, — продолжил Миньюй. — Я же говорил, что она странная. Наши люди докладывают: иногда она просто достаёт флаконы с лекарствами из спальни, будто они возникают из пустоты. И почти не закупает сырьё. Из чего она вообще их готовит?

Шпионы, наконец закрепившиеся в окружении фаворитки, начали передавать ценные сведения. Принц был поражён:

— Если так пойдёт и дальше, мы никогда не узнаем секрет её производства.

Юаньцзин почувствовал, как тревожно ёкнуло сердце. Он-то прекрасно понимал, в чём дело. Травы не нужно покупать — они растут прямо в её пространстве. Очевидно, там же она их и перерабатывает. Мэн Сусу оказалась слишком неосторожной, раз позволила заметить неладное.

— Раз это заметили твои люди, как думаешь, Сяо Минжуй догадался?

Сяо Миньюй вскинул бровь:

— Как он мог не заметить? Даже если любовь затуманила ему разум, старый князь не спускает

с неё глаз. Что может быть надёжнее, чем прибрать к рукам такой источник неисчерпаемого богатства?

Юаньцзин признал правоту друга:

— Что ж, нам остаётся только наблюдать за их действиями.

— Именно. Пусть сначала перегрызутся между собой, а мы пожинаем плоды, — самодовольно ухмыльнулся Сяо Минъюй.

Эту ночь он провёл в резиденции Фань — такое случалось часто. Князь Дуань давно смирился с привычками сына, к тому же Юаньцзин как наставник был ничуть не хуже дворцовых учителей: под его влиянием принц заметно остепенился.

Когда гость ушёл отдыхать, Юаньцзин мысленно воззвал к Системе.

— Ну, выкладывай. Что на самом деле представляет собой «золотой палец» Мэн Сусу?

С тех пор как в их жизни появилась Мэн Сусу, Сяо У не смела отвлекаться. Теперь она и её носитель были одним целым: неудача Юаньцзина означала провал для всей Системы. Поэтому она внимательно наблюдала за женщиной вместе с ним.

[Носитель догадался верно. У неё есть портативное пространство, в котором можно выращивать растения и куда могут входить живые существа.]

Получив подтверждение своих догадок, Юаньцзин ощутил лёгкий укол зависти.

— Эх, Сяо У, почему ты не снабдила меня таким пространством? Посмотри, с какого высокого старта начинают другие.

[Прошу носителя полагаться на собственные силы, а не на внешние атрибуты. Когда вы наберёте достаточно очков, я смогу открыть и другие функции,] — бесстрастно отозвалась Система.

Юаньцзин усмехнулся. В словах Сяо У была правда: знания, добытые своим трудом, останутся с ним навсегда, в каком бы мире он ни оказался. Пройдя через несколько жизней, он ясно осознал это. Не будь у него опыта прошлого, ему было бы куда труднее выбраться из беды в начале этого пути.

— И всё же, каковы особенности её дара? Сяо У, кто сильнее — ты или её «палец»?

Юаньцзин вспомнил, как когда-то Система помогла ему навсегда связать свою судьбу с жемчужиной духовного источника. Если была возможность заполучить нечто столь ценное, он не собирался пасовать.

Сяо У:

[Судя по всему, это начальное пространство для культивации. На Мэн Сусу есть следы практики, но её уровень крайне низок — она совсем не уделяет внимания духовному росту.]

Юаньцзин глубоко вздохнул. Этот дар был не просто велик — он был колоссален. Читая новеллы о бессмертных, он обсуждал с Системой разницу между боевыми искусствами и культивацией Дао. Сяо У подтвердила: путь культивации стоит на неизмеримо более высокой ступени.

Теперь он и впрямь почувствовал жгучую зависть.

— Эта Мэн Сусу что, родная дочь самого Неба? Почему её так балуют?

Система промолчала — на такой вопрос у неё не было ответа. Однако, чувствуя настрой Юаньцинина, она добавила:

[Я могу лишь помочь носителю установить связь с объектом, но не могу отобрать его силой. Однако, если носитель станет достаточно силён, это станет возможным.]

Намёк был ясен: нынешних сил Юаньцинина не хватало, чтобы отделить дар от души Мэн Сусу, не причинив ей вреда.

В глазах юноши блеснул холодный огонёк.

— А если этот дар сам отделиться от носителя? Сяо У, сможешь ли ты перехватить его, когда Мэн Сусу умрёт от старости или... из-за несчастного случая?

[Смогу.]

Получив утвердительный ответ, Юаньцзин улыбнулся. Если Мэн Сусу не совершит роковой ошибки, они просто сразятся в долголетию. Посмотрим, кто из них проживёт дольше. По сравнению с простым пространством для грядок, его куда больше манили техники истинного бессмертия.